

К.П. Глазков

ЭКСКУРСИЯ ПО ГОРОДУ: МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ГОРОДА

ЭКСКУРСИЯ ПО ГОРОДУ: МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ГОРОДА

ГЛАЗКОВ Константин Павлович — магистрант 1-го курса Высшей школы урбанистики. E-mail: glk@gorod.org.ru.

Аннотация: В статье рассматривается эмоционально-практическая привязанность к району Китай-город трех категорий москвичей: 1) жителей района, 2) экскурсоводов, которые проводят экскурсии по району, 3) москвичей, которые иногда проводят там время. В связи с наблюдаемыми транзитными практиками пользования этим пространством поднимается вопрос о существовании и устройстве локальных смысловых комплексов — мест.

Понимая под изучением городской среды фокус на взаимосвязи между человеком и местами, автор обращается к исследованиям образа города с помощью ментальных карт. Имея в виду, что ментальные карты как инструмент сбора данных требуют формализованных и теоретически обоснованных методов анализа, автор ориентируется на метод сетевого анализа в пространстве — space syntax. На разных этапах исследования использовались методы наблюдения, gps-tracking, социального и ментального картографирования.

Были получены разнящиеся описания одних и тех же городских пространств представителями трех категорий информантов (жителями района, экскурсоводами и москвичами, иногда проводящими время в районе) и сделан вывод о пространственной упорядоченности и смысловой организации мест их привязанности.

Значимость полученных результатов заключается в методических разработках в сфере работы с городским опытом, а также в подготовке информационной базы для обоснования и согласования возможных градостроительных и планировочных проектов на данной территории.

Ключевые слова: пространство, городское

CITY TOUR: MENTAL MAPS AS A TOOL TO STUDY A CITY IMAGE

GLAZKOV Konstantin Pavlovich – 1st year postgraduate student, Graduate School of Urban Studies and Planning. E-mail: glk@gorod.org.ru.

Abstract. The author describes emotional attachment of three different categories of Muscovites to the Kitay-gorod area; they are (1) residents of this area, (2) tour guides who conduct city tours, and (3) Muscovites who often spend their time in this area. Different practices of using this space raise the question about local semantic mapping.

Regarding urban space as interaction between human and places, the author turns to mental maps. As mental maps require formalized and well-grounded methods of analysis, the basic method used in this study was space syntax method; other tools such as observation techniques, GPS tracking, and social and mental mapping were also used.

Results show that three different groups of people provide different description of the same places. It was concluded that there is spatial order and semantic organization of places people are attached to.

The results of the study can be further used in urban development and planning.

Keywords: space, urban space, sociology of space,

пространство, социология пространства, образ города, не-место, воображаемость, ментальные карты, картографирование, сетевой анализ.

city image, non-place, imageability, mental maps, mapping, space syntax.

*Москва — город, который как будто никто не любит.
Деньги только давай, а чтобы слово доброе про нее сказать — нет такого.*
А. Можаяев

*На самом деле это такая мистификация — мы пытаемся сделать вид,
будто этот город наш, будто мы в нем хозяева.*
В. Карелин¹

Москва обладает радиально-кольцевой планировкой, что делает ее центростремительным городом. Большинство потоков людей и благ так или иначе сосредотачиваются в центре либо координируются центром. Люди едут на работу в центр или через центр, там же отдыхают, встречаются, посещают культурно-развлекательные объекты. При этом лишь малая доля москвичей проживает в центре своего города. Рассматривая историческую динамику социальной сегрегации расселения в Москве на основании адресно-справочной книги 1971 г., О. Трущенко отмечает, что «с 1926 по 1967 г. доля города внутри Садового кольца снизилась с 8,2 до 2,1%, а численность населения — с 34,4 до 8,6%» [18, с. 60–61].

В результате одним из лейтмотивов пребывания в центре становится транзитность. Культуролог А. Ганжа пишет, что «мобильность — главное социально значимое свойство современного субъекта» [7, с. 292]. Однако, следуя размышлениям теоретиков городского пространства Сеннета и Джекобса, автор подчеркивает тенденцию «стирания обитаемого (курсив мой. — Г.К.) публичного пространства», причиной которого среди прочих является и автомобиль. Ганжа утверждает, что «актуальное состояние городской среды в современных мегаполисах характеризуется прежде всего тотальным преобладанием унифункциональных объектов. Так, улица — это не более чем место для проезда. Ей все сложнее упорствовать в собственной, несводимой к функции обеспечения трафика реальности — вырывать людей из состояния изоляции и дефицита общения, быть спонтанным театром, местом игр без четких правил и тем более интересных, местом встреч и многочисленных побуждений — материальных, культурных и духовных. Это означает, что исчезает трансфункциональная реальность города так такового» [7, с. 296–297].

Мобильность остается уделом вечно спешащих и опаздывающих, не имеющих шанса «вовремя остановиться, сойти с дистанции, осмотреться в окружающем пространстве — самым ходом московской жизни» [7, с. 310]. Схожий феномен О. Паченков назвал «злоупотреблением публичностью» [13].

Следствием такой спешки становится специфический способ восприятия центра москвичами. «Каждый отдельный горожанин, перемещаясь по современным публичным пространствам, поглощен скорее своими личными, частными интересами и задачами. Толпы на улицах и городской трафик переживаются этим индивидом... как нечто мешающее его быстрому и беспрепятственному перемещению по городу» [10]. Опираясь на различие пространства и места, исследователи указывают на необходимость «социального использования, исполненного эмоциональным откликом, запоминаемостью, актуальностью» [19] в процессе становления места так такового.

¹ Из интервью с Александром Можаяевым и Валентином Карелиным [11]. А. Можаяев — краевед, координатор «Архнадзора», В. Карелин — учитель истории, организатор школы практического москововедения.

Эта специфика восприятия определяет **проблемную ситуацию** социологического исследования: с одной стороны, центр представляет собой сосредоточие людей, которые здесь работают, отдыхают, проводят время, с другой стороны, лишь малая доля москвичей соотносит себя с центром, обладает некоей связью со здешними местами. Можно ли вообще назвать центр Москвы «местом», нагруженным социальными смыслами? Если да, то местом чего, что и какие категории населения его делают таковым?

1 Теоретические подходы к изучению городского пространства

Городская среда обитания жителей

В данной работе предлагается рассмотреть метафору *экскурсии по городу* как одного из возможных способов отношения к городской среде. Суть этой позиции в том, что «чужой и не освоенный» обычными москвичами центр преобразуется, раскрывает свой эмоциональный, практический потенциал в рассказах жителей и знатоков мест. Собирая по крупицам субъективные видения мира мест конкретной территории в рамках подобных, альтернативных обычным, экскурсий по городу, появляется шанс увидеть нечто общее и уникальное в этих рассказах. При этом рассказчик не должен быть скован формальными требованиями, которые предъявляются к экскурсионному материалу, напротив, в своем видении он абсолютно свободен, что позволяет ему рассказать об окрестных местах с точки зрения возникающих у него эмоций, воспоминаний и ощущений.

Мы опираемся на подход к городу как к определенной городской среде сосуществования его жителей. Понятие среды содержит в себя все обстоятельства обитания, включающие материально-объектные условия существования, а также присутствие других субъектов, результаты деятельности которых обладают порой даже «контрфинальными» последствиями для окружающих [2, с. 23]. Чтобы подступить к операционализации понятия «городская среда» обратимся к работе В. Глазычева. Он пишет: «...одно и то же слово “среда” отражает два качественно различающихся между собой взгляда: один из них фиксирует предметно-пространственное окружение, обстановку (environment); другой — поведение людей в предметно-пространственной обстановке (milieu)» [8]. Городская среда представляет собой в такой интерпретации не простую сумму этих двух составляющих, а их отношение, которое осмысленно каждым горожанином и имеет отражение на сложившийся образ, «налагаемый его носителями на все, что воспринимает их взор» [8].

Несмотря на условное присутствие физического пространства в этих подходах, пространственная сущность города, а именно идея некоей его географической организации и соотносительности городских объектов, отходит на второй план, уступая место изучению психологических и социальных последствий жизни в городе. Одним из упущений работ, теряющих данную перспективу исследования, является неспособность однозначно ответить, о каких явлениях и объектах идет речь в их описании, проще говоря, отсутствие ответа на вопрос «где они?» Дабы восполнить этот пробел, предлагается вновь ввести категорию пространства в качестве предмета социологического рассмотрения, причем пространство должно занимать симметричное положение по отношению социальному.

Место как элемент социального пространства

Условно можно выделить два основных подхода к концептуализации пространства: социальный конструктивизм (социальный детерминизм, его представители — П. Сорокин, П. Бурдьё, А. Давыдов) и пространственный фетишизм (географический детерминизм, его представители — Ф. Ратцель, Л. Семашко).

В рамках первого подхода социальное пространство рассматривается, скорее, как стратификационная система, многомерная и неоднородная, включающая значимые статусные подсистемы, по которым пролегают координаты положения индивида в символических полях [3, 15]. Второй подход в большей степени представлен географами, которые, в частности Ф. Ратцель, развивая дарвинистские и экологические подходы, видят во всех проявлениях и достижениях социальной жизни последствия влияния среды, ее пространственной конфигурации [9]. Нечто схожее в социологическом теоретизировании приобретают рассуждения о возможности описания, а затем уже и переноса свойств физического пространства на «социальное пространство-время» [14].

Наша позиция заключается в стремлении избежать описанных двух крайностей и опирается на соображение Б. Верлена, касающееся неверного понимания предмета географии как науки о пространстве. Ставя в центр теоретизирования понятие действия, Верлен обращается к пространству как к системе координат действия, обозначающей его средства и возможности. В своем отзыве к данному тексту Гидденс отмечает, что понимание пространства Верленом схоже с определением Лейбница, который рассматривал его именно как «способ упорядочивания [пространственных] событий» [5, с. 30]. Таким образом, действие как способ упорядочивания представляет собой еще и процесс осмысления пространственных явлений. «Материальность становится осмысленной только в ходе осуществления действия с определенными намерениями и при определенных социальных (и субъективных) обстоятельствах» [5, с. 34]. Само пространство (сюда можно отнести и все пространственные явления, например размещение) обретает «социальный смысл, и это очень важно, когда оно проходит через системы координат, ориентирующих поведение индивидов» [5, с. 32].

Физическое пространство объективно существует вне зависимости от осмысленности или неосмысленности кем-либо его объектов. Тем не менее оно тематизируется и становится симметричным, как и любое социальное явление (само пространство в таком случае есть социальное явление), компонентом рассмотрения социальной организации лишь в том случае, если посредством индивидуальных действий и социальных конвенций обретает смысл. Таким образом, за счет ментального усилия физическое пространство обретает своего социально значимого двойника (социальное пространство), наполненного смысловым содержанием, которое не теряет идеи некоей пространственной размещенности и локализации. «Современный человек осваивает пространство, кодируя его: превращая места в помещения, природу — в пейзажи, поверхности — в ландшафты» [4].

В социальной географии существует различие пространства и места. «Пространство, в отличие от места — абстрактная сущность, оно принципиально недоступно опыту, тогда как место связано с опытом человека» [16, с. 45; 22]. Место всегда воспринимается как «место действия». В результате опытного освоения мира человек обладает миром мест, который остается внутри него, даже тогда, когда он уже там не находится.

Еще одним аналитическим различием, которым пользуются социальные географы, мы обязаны М. Оже. Он предложил развести понятия «место» и «не-место». При этом «место может быть определено отношениями, исторически и через идентификацию, а пространство, не имеющее таких связей, есть не-место» [21, р. 77-78].

Определение места можно встретить у А. Филиппова. «Место. Элементарный смысловой комплекс. Территория, воспринимаемая как неделимое единство» [20, с. 261]. Из этого определения следуют, во-первых, элементарность и неделимость смысловой составляющей места; во-вторых, что место воспринимается на основании чего-то. Филиппов предлагает понятие практической схемы различения, которое представляет собой «смысловой комплекс знаний и умений, позволяющих ориентироваться в пределах региона [место мест,

мир мест, ландшафт]», причем «схема имеет преимущественно дорефлексивный характер и укоренена в опыте тела, его диспозициях и привычках» [20, с. 262]. Таким образом, места выступают в качестве элементарных составляющих мира мест, который, лишь «объемлет элементарные места» [20, с. 261]. На наш взгляд, места сами по себе вступают друг с другом в отношения, взаимно соотносятся, выделяются из целого из-за неких связей между местом и человеком, упорядоченных в схему различения.

Поскольку не до конца ясно, как операционализировать практическую схему различения, предлагается привести аналогию с понятием «образ города» в том смысле, в котором его понимал К. Линч: «...обобщенная мысленная картина окружающего материального мира в сознании человека» [12]. Такое определение вполне может послужить инструментом «заземления» схемы различения, к тому же работа Линча, безусловно, признана методическим пособием по изучению образа города.

Образ города и ментальные карты

Выступая по сути с позиций планировщика, Линч ставил задачу теоретически обосновать градостроительную деятельность, направленную на улучшение так называемой «читаемости» (legibility) городского ландшафта, понимаемой как «легкость, с которой части города распознаются и складываются в упорядоченную картину» [12]. Читаемость зависит от «воображаемости» (imageability) элементарных объектов, которые могут стать, а могут и не стать частью общей картины (образа). В свою очередь, воображаемость того или иного объекта складывается из трех составляющих: структуры (связности объектов, способности их соотносить друг с другом) объектов; опознаваемости (способности вычленить объект на фоне остальных); и значения (субъективного смысла, который вкладывает человек).

Воображаемость этой конструкции выступает одним из ключевых оперантов, позволяющих на практическом уровне подступить к изучению (измерению) образа города. Основной методикой в исследовании Линча являлось ментальное картографирование, которое представляло собой интервью с «просьбой нарисовать эскизный план города, дать детальное описание нескольких путешествий по городу, перечислить и кратко описать те его части, которые наиболее четко и живо закреплены в памяти». Степень воображаемости того или иного объекта измерялась в таком случае частотой (долей) упоминаний объекта по отношению к числу всех опрошенных.

Методика ментального картографирования получила в дальнейшем свое развитие, что привело даже к некоей путанице в понимании, что считать ментальным картографированием, а что нет.

Чтобы разобраться с определением ментального картографирования, обратимся к статье Н. Веселковой, в которой выделяются четыре отличительных свойства ментальных карт:

- 1 изучаемые представления *визуализированы*, причем *визуальное* является центральным, приоритетным;
- 2 ментальные карты визуализируют представления о *местности*, люди должны выражать свое видение местности, а не просто там находиться;
- 3 непосредственным создателем ментальной карты является *информант*;
- 4 ментальные карты создаются *для исследования* [6, с. 7–12].

Мы используем, как уже отмечалось, социальное и ментальное картографирование (которое является подпонятием социального картографирования). Различие этих двух методик заключается именно в третьем свойстве: если на этапе наивного описания мы собираемся

самостоятельно наносить на карту наблюдаемые явления, то в случае ментального картографирования дело «производства» карт будет вверено самим информантам.

Сетевой анализ ментальных карт

Предложенные в статье Веселковой способы объяснения степени воображаемости городских объектов («правда, здесь расположение окон, погода и вид из окна не способствовали зарисовкам с натуры») [6, с. 17–18] представляются не вполне эффективными и адекватными в свете определения самого понятия «воображаемость», которое дал Линч. Анализ ментальных карт с позиций изучения степени воображаемости упоминаемых в них объектов, с нашей точки зрения, должен опираться на изучение трех компонент воображаемости, воздействие которых объединяется и непосредственно проявляется в ее значениях: анализ ментальных карт должен складываться вокруг постижения связности, опознаваемости и эмоционально-практической значимости городских объектов для информантов.

Методическая разработка формализованного анализа ментальных карт и результатов ее реализации представлена в работах Омера и Джанга, сторонников так называемого направления сетевого анализа в пространстве — space syntax, становление которого связано с концом 1970-х гг. и таким автором, как Б. Хиллер [23]. Этот подход опирается на компоненты воображаемости Линча (структуру, опознаваемость и значение), причем акцент делается именно на структуре изучаемых объектов, что побуждает исследователей использовать структурный инструментарий сетевого анализа.

2 Методология исследования

Переходя к описанию эмпирической части исследования, обозначим основные методологические подходы, которые будут реализованы в работе.

Мы предлагаем рассматривать город как городскую среду сосуществования его жителей, являющейся соотношением людской деятельности и пространственно-объектного окружения. Исходя из такого понимания, под наше рассмотрение попадает понятие пространства в свете его трансформации в социальное пространство в ходе символического наполнения и определения его социально значимых свойств. Частной, локальной составляющей социального пространства является мир мест («ландшафт», «регион», «место мест» у разных авторов), который представляет систему взаимно соотносящихся «элементарных смысловых комплексов» — мест, с которыми у человека есть связь в виде отношений, историй и идентификации. Это отличает смысловые нагруженные места от не-мест. Выделение (различение) мест друг от друга и их взаимное соотнесение осуществляется посредством практической схемы, которая представляет собой «смысловой комплекс знаний и умений». В связи со сложностью операционализации практической схемы различения мы обратились к понятию «образ города» у Линча, который предлагает конкретные методические приемы по изучению общей картины мира посредством ментального картографирования и воображаемости элементов городской среды. Заменяя предложенные Линчем элементы городской среды (путь, ориентир, граница, узел и район) на элементы, выраженные понятием «место», мы собираемся анализировать мир мест, отраженный в результатах исследовательского наблюдения и общения с информантами. В рамках подхода сетевого анализа (space syntax) предполагается топологическая редукция пространственно

размещенных объектов (в нашем случае мест) в граф, что позволит объяснить степень вообразимости мест через меры центральности полученной сетевой структуры.

Эмпирическое исследование восприятия городского пространства проводилось весной 2013 г. Объектом исследования выступал центр Москвы, в частности конкретный район — Китай-город, который рассматривался как городская среда сосуществования разных категорий москвичей, обладающих различным видением одних и тех же просторов. Сбор данных проводился с помощью наблюдения, социального и ментального картографирования с жителями района, экскурсоводами-краеоведами и москвичами, не проживающими в этом районе на момент исследования.

Исследование проводилось в два этапа, которые условно можно назвать наивное и погруженное описание.

На первом этапе ставилась задача с помощью наблюдения и социального картографирования² сформировать общее представление о районе на базе *наблюдаемых* уличных практик. Специфика собранных описаний (мир мест *стороннего наблюдателя* района Москвы) позволяет задать пространственную плоскость, систему координат для проекции содержательных и смысловых явлений. Тем самым можно их локализовать и ответить на вопрос «где это происходит?», дополнить знание о городе как о среде обитания, состоящей из людей и мест.

Второй этап исследования, осуществленный с помощью ментального картографирования с информантами разных категорий³, может быть рассмотрен в качестве «погруженного» описания, в котором раскрываются разные способы видения одного и того же пространства. Уточним, что интервью проводились по тематическому гайду, состоящему из двух вопросов (как давно и где проживает информант, что для него Китай-город в целом) и двух заданий (с просьбой нарисовать карту Китай-города с обозначением его границ и отметками тех конкретных мест, с которыми у него есть связь в виде чувств, знаний, воспоминаний и деятельности).

Обработка собранной информации сводилась к формированию для каждой категории информантов единого списка мест с эмоциями, фактами, воспоминаниями и практиками, побудившими их назвать данные места.

Разнообразие уличной жизни района Китай-город

В рамках первого этапа наблюдения было выявлено 93 места, в которых происходила хоть какая-то деятельность, связанная с нетранзитным использованием условий среды. Большинство из них не носят многофункционального характера и были выявлены по одной-двум уличным практикам, о чем свидетельствует среднее количество практик по всем местам (2,41).

Условно выделяются 5 групп практик по частоте их встречаемости в тех или иных местах. Наибольшую распространенность получили практики, реализация которых в большинстве случаев не требует хорошо развитой инфраструктуры. Это практики общения (встречается в 59 местах из 93) и практики релаксации или сидения (37 мест) на различных объектах малой архитектурной формы (на скамейках, ступеньках, выступах и других поверхностях). Далее следует группа практик, которые объединяются необходимостью организации специальных условий для их осуществления. Так, чтобы погулять с детьми или с собакой, нужна какая-нибудь площадка или парк, тогда как для условно названных культурных

² Собрано 18 наблюдений с использованием gps-tracking общей продолжительностью в 32 ч, проведенных равномерно в разное время суток и дни недели и в разных частях изучаемого района.

³ 4 интервью с жителями района, 3 с экскурсоводами и 3 с москвичами, которые не проживают в данном районе.

практик и мест встречи должен быть некий культурный повод или ориентир — значимая по тем или иным критериям постройка или объект. Затем следует группа специфических практик, которые, предположительно, связаны с узкой категорией москвичей — жителями района. К сожалению, некоторые типы практик (использование Интернет и ориентирование по городу) не уловимы для наблюдения в силу нечувствительности инструментария, что не позволяет судить о них как о содержательных категориях.

В какой-то степени приходится признать, что гипотеза о скудности наблюдаемой уличной жизни в районе подтверждается данными, которые мы получили на этапе наивного описания. Действительно, уличная жизнь Китай-города в некоторых участках практически не наблюдается, а в большинстве случаев принимает специфические формы, зависящие от развитости окружающей инфраструктуры, которая, в свою очередь, представляется бедной.

Топ-лист мест района Китай-город с точки зрения наблюдения

Характеризуя самые значимые места района Китай-город с точки зрения наблюдения и наглядного разнообразия уличных практик, отметим, что лишь 9 мест из 93 (см. табл. 1, 2 и рис. 1) являются так называемыми multi-used spaces, что делает их центрами притяжения социальной жизни.

Таблица 1 Распределение мест в районе Китай-город по количеству уличных практик

Количество уличных практик	Количество мест	Накопленная частота
1	34	34
2	25	59
3	12	71
4	13	84
5	6	90
6	2	92
7	1	93

Причем 7 из 9 указанных мест находятся в непосредственной близости к станции метро «Китай-город», что подчеркивает ее значимость для протекающей в районе уличной жизни.

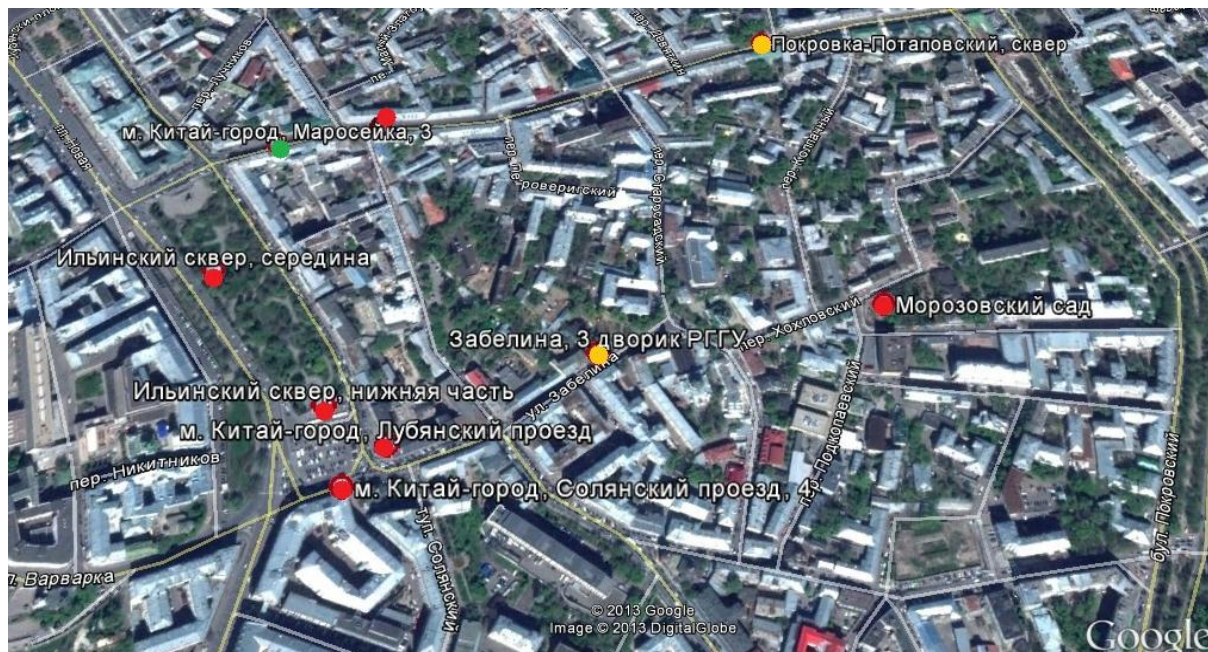
Таблица 2 Списки мест в районе Китай-город с различным количеством уличных практик

Список мест с разным количеством уличных практикам		
Места с 5 уличными практиками	Места с 6 уличными практиками	Места с 7 уличными практиками
Ильинский сквер, средняя часть	Покровка – Потаповский сквер	м. «Китай-город», Маросейка, 3
Ильинский сквер, нижняя часть	Забелина, 3, дворик РГУ	
Маросейка, 9, «Макдоналдс»		
Морозовский сад		
м. «Китай-город», Лубянский проезд		
м. «Китай-город», Солянский проезд,, 4		

География расположения этих мест позволяет сделать предположение касательно категорий населения, которые проводят в них время. Возможно, что места, расположенные

близко к метро, привлекают к себе москвичей, которые не проживают в самом Китай-городе, и выбираются ими в силу удобства и развитости инфраструктуры (наличие лавочек, деревьев, доступа в Интернет и т. д.). Морозовский сад и сквер на пересечении Покровки и Потаповского переулков — места, с которыми в большей степени связаны жители района, и эта связь может выражаться в других аспектах (как места историй и воспоминаний).

Рисунок 1 — Расположение самых «нагруженных» мест района Китай-город (зеленым цветом обозначено место с 7 уличными практиками; желтым — места с 6 уличными практиками, красным — места с 5 уличными практиками)

Сравнительный анализ мира мест разных категорий информантов

Обобщенные образы Китай-города трех категорий информантов: жителей района, экскурсоводов и москвичей, — будут рассматриваться как специфические способы видения этого пространства. Эти способы видения могут дополнять друг друга либо находиться в противоречии, в том числе с позицией, полученной в ходе наблюдения. Чтобы сделать процедуру сравнения четырех образов (мир мест стороннего наблюдателя, москвичей, экскурсоводов и жителей района) более наглядной, сначала выделялись ключевые элементы этих картин, а затем проводилось их сопоставление.

Ключевые элементы мира мест разных категорий информантов (по наблюдениям мы выделили 9 таких мест) были определены с помощью нескольких инструментов. Каждое место описывается следующими переменными: степенью связей, промежуточностью положения, близостью и степенью воображаемости.

Каждая из 4 переменных имеет свой механизм расчета и специфический смысл. Не делая акцент на сравнении этих инструментов, наглядно продемонстрируем степень схожести и различия результатов их применения.

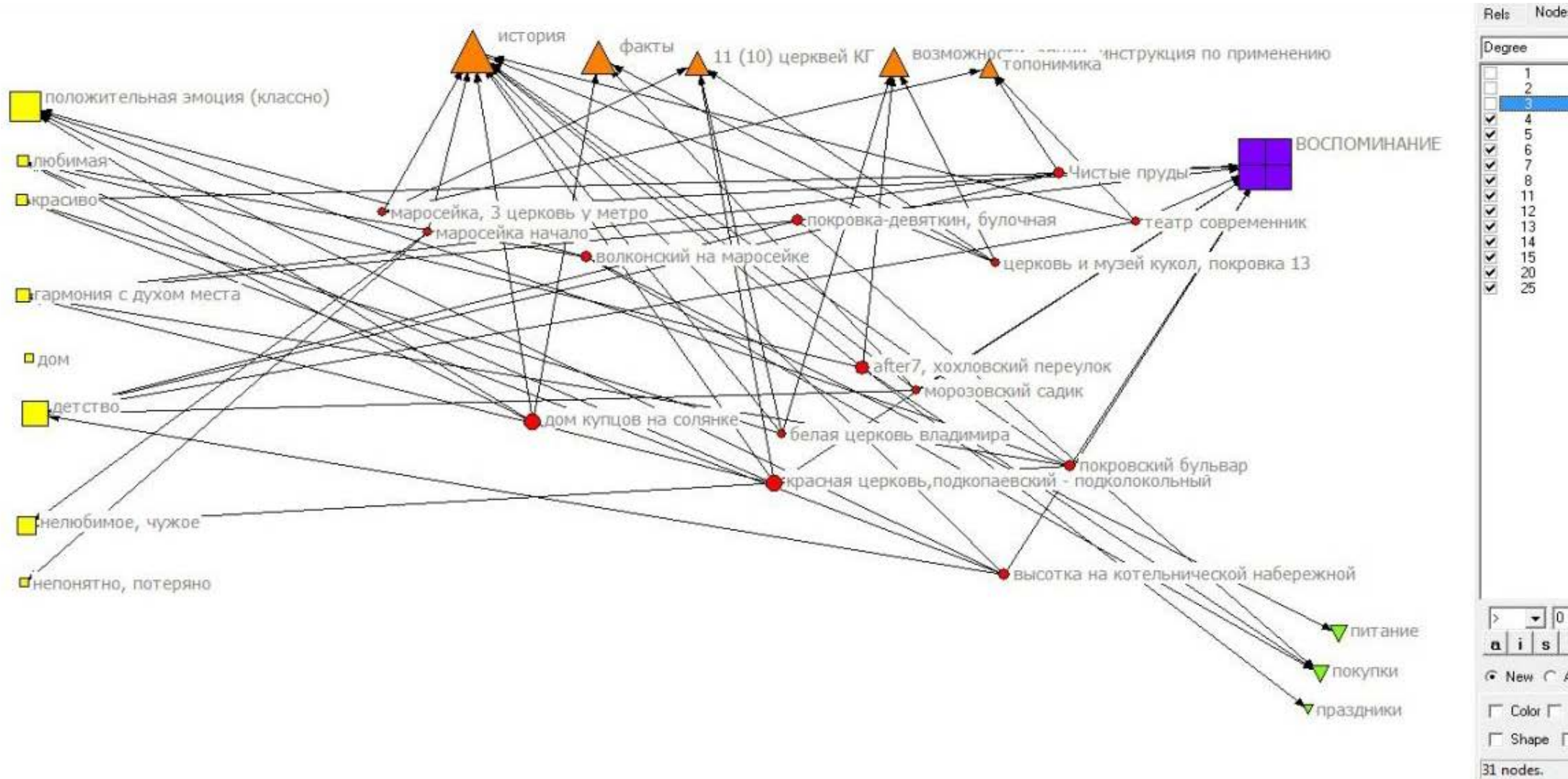

Рисунок 2 — Ключевые места в образе Китай-город у жителей района на основании степени связи (места с 4 и более ребрами)

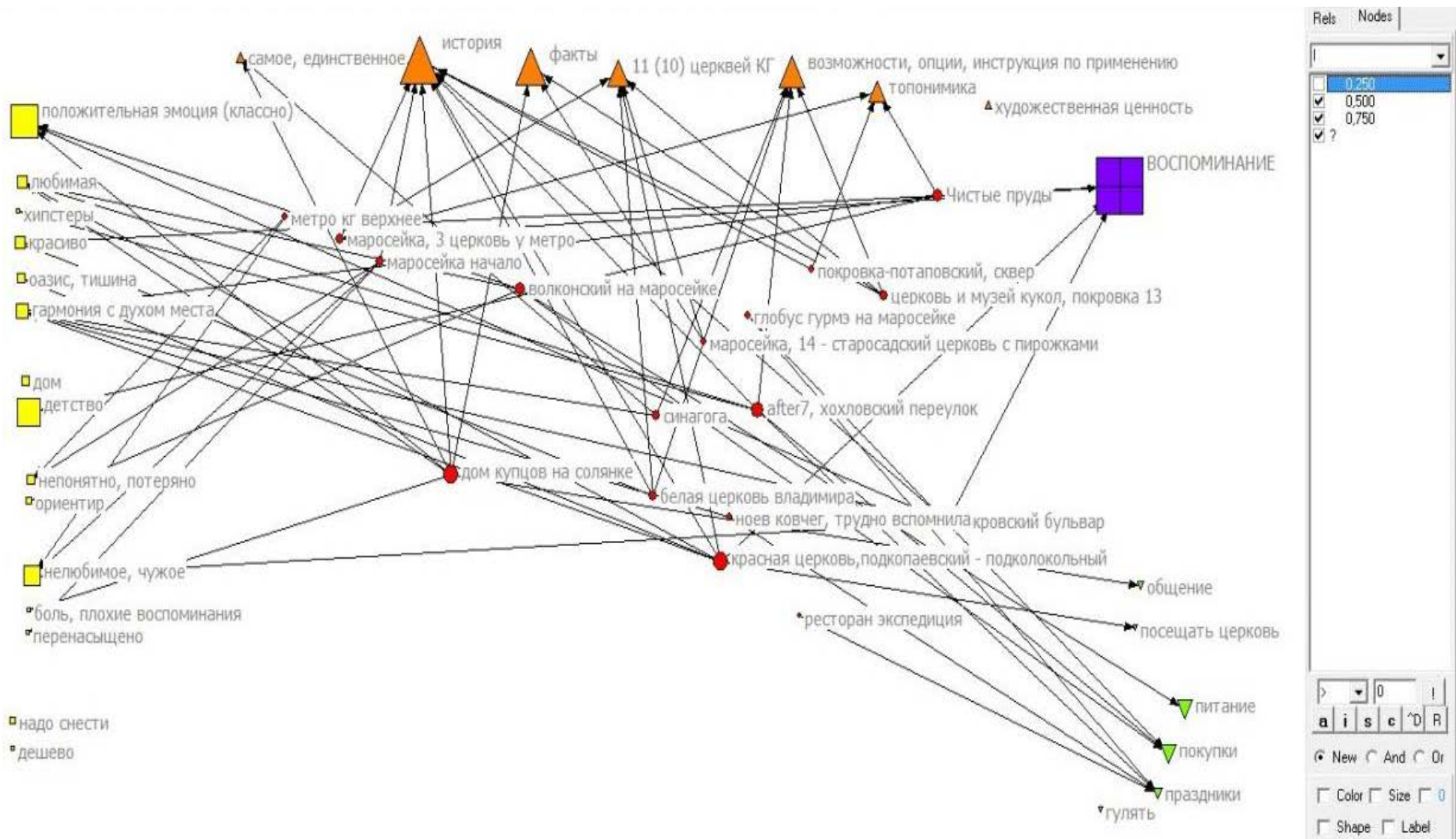

Рисунок 3 — Ключевые места в образе Китай-город у жителей района на основании степени воображаемости (от 0,5 и выше)

На рисунках 2 и 3 визуализированы двухмодальные графы, где один вид узлов — места, а другой — тип связи. Все узлы упорядочены: места в соответствии с их положением на географической карте, эмоции-оценки находятся в столбце слева, факты-истории — сверху в виде треугольников, воспоминания — квадрат в правом верхнем углу, практики — перевернутые треугольники в правом нижнем углу. На панели справа также отображены критерии (Degree — степень, I — степень воображаемости), по которым выбираются узлы для отображения и их градации.

Большинство мест присутствуют в том и другом графах, хотя есть некоторые узлы, которые то возникают, то пропадают. С помощью использования нескольких инструментов оценки мы имеем возможность более чувствительно подойти к отбору мест и способам их интерпретации.

Перейдем к сравнению ключевых мест (см. рис. 4), выделенных на основании наблюдения и интервью с москвичами, экскурсоводами и жителями района. Дабы усилить контраст описаний, оставим для сопоставления лишь те места, которые одновременно упоминаются в разных источниках, т.е. где есть столкновение разных способов видения.

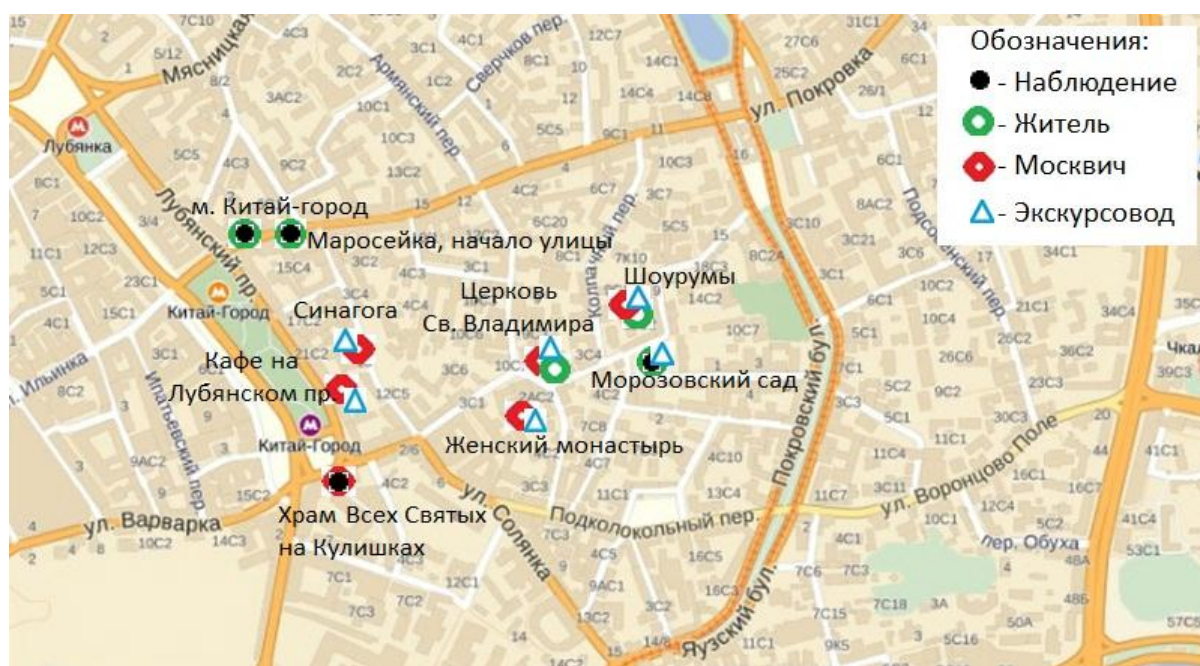

Рисунок 4 — Места столкновения описаний

Итак, согласно результатам сетевого анализа мира мест наших информантов, каждая из трех категорий информантов имеет повторяющиеся типы связи с местами. Для москвичей типична эмоциональная связь с местами, только в их рассказе о Китай-городе встречается практика «сокращаю путь» и ощущение, что в этом районе проводят время какие-то особые люди, близкие им по стилю жизни и интересам. Рассказы экскурсоводов о Китай-городе в большей степени наполнены фактами и историческими справками. Образ района у его жителей специфичен в том плане, что у них зачастую встречаются негативные эмоции, связанные с грустью и ностальгией по былому. Уникальным описание жителей делает присутствие в их рассказах деталей о том, что и где они делают, т. е. практик.

Необходимо отметить три сюжета. Первый связан с тем, что места с наибольшим числом уличных практик (например, по улице Маросейка), которые были выделены на этапе наивного описания, упоминаются лишь в рассказе жителей района, и то - в связи с негативными эмоциями и ощущением чуждости («И сильное разочарование у меня до сих пор [в сравнении со станцией «Чистые пруды»], и я избегаю эту станцию метро [м. «Китай-город»]).

То есть отношение у меня к ней есть, но такое, знаете, неприязненное. То есть я стараюсь на эту станцию не попадать. Если попадаю, мне там нехорошо, просто неприятно» – мужчина, 55 лет).

Второй сюжет отсылает к результату, который мы получили, выделяя топ-лист мест. У нас было предположение, что места с бурной уличной жизнью и расположенные близко к метро в большей степени соотносятся с москвичами, которые не проживают в Китай-городе, чем с его жителями. Подтверждение тому можно увидеть в двух случаях: кафе в многолюдном Лубянском проезде и более уединенный Морозовский сад. Кафе, расположенные в Лубянском проезде, фигурируют в рассказах москвичей и экскурсоводов, которые частенько здесь бывают, и не встречаются в упоминаниях жителей. С Морозовским садом противоположная ситуация: если москвичи его не указывают, то для жителей района – это место детских и юношеских воспоминаний, связанных с личным и сокровенным.

По поводу третьего сюжета необходимо подчеркнуть, что практический тип связи слабо представлен во всех категориях информантов. Так, на вопрос «Что для Вас Китай-город в целом?» большинство жителей района Китай-город отвечали, что это исторический центр Москвы, где сохранился дух, особая атмосфера и гармония. Иначе говоря, даже для жителей эта территория – прежде всего не место практик, а история, ощущения и воспоминания.

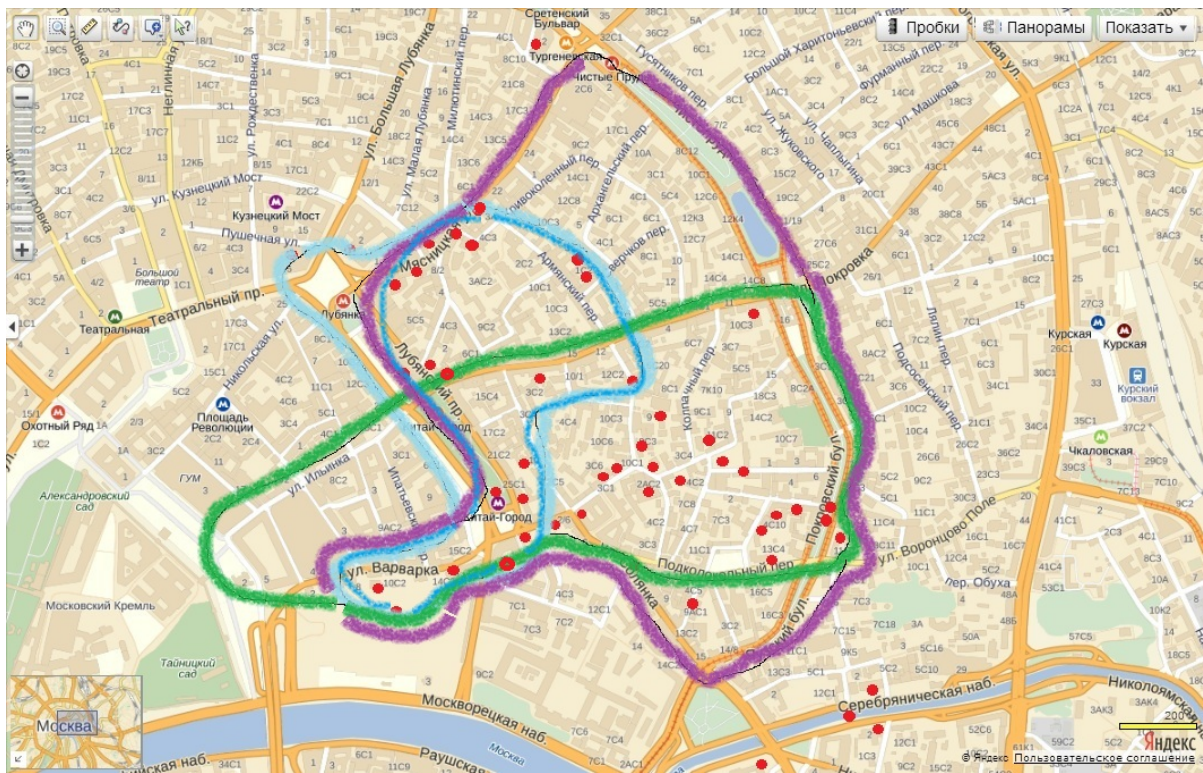
Конвенциональные границы района Китай-город

В рамках интервью и ментального картографирования информантов просили указать субъективные границы района Китай-город или ориентиры, по которым они восстанавливаются. В результате мы получили три карты (см. рис. 5–7), на которых отмечены области – индивидуальные границы района каждого информанта в рамках своей категории.

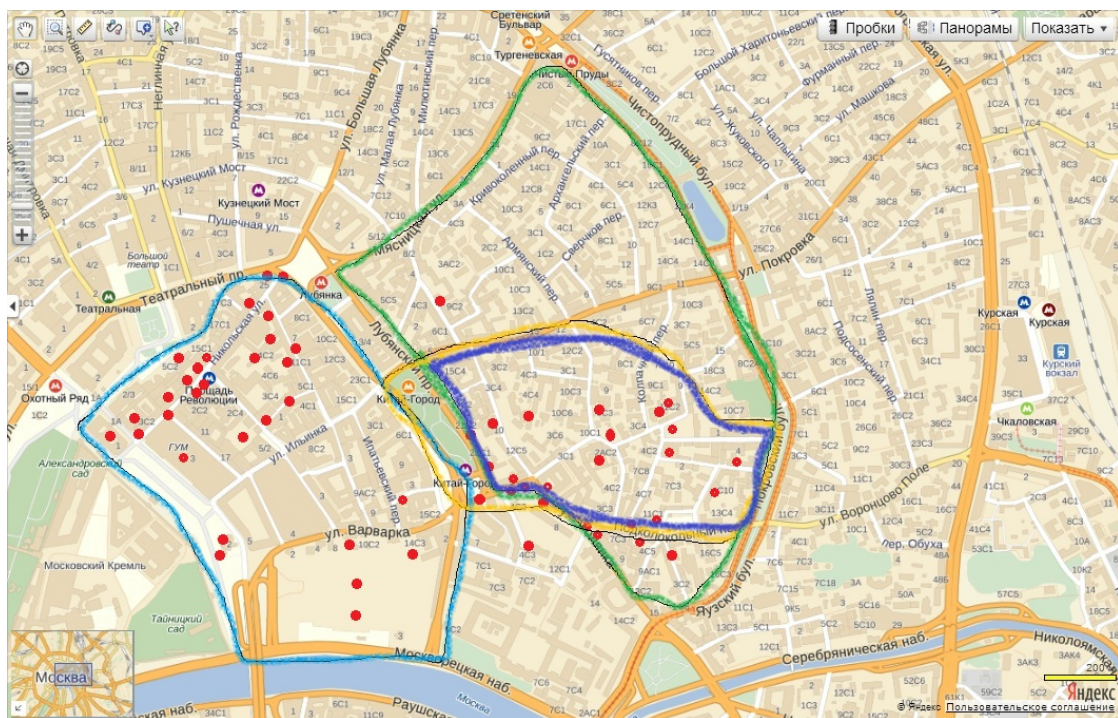
Рисунок 5 – Субъективные границы Китай-города у респондентов – жителей района

Рисунок 6 — Субъективные границы Китай-города у респондентов — москвичей, иногда проводящих время в районе Китай-города

Представления о границах района у его жителей географически обширное и пересекающееся, у москвичей зауженное, а у экскурсоводов слабо пересекающееся. Общая часть района в восприятии москвичей располагается вдоль основных улиц и станций метрополитена (м. «Китай-город», Лубянский проезд, улицы Мясницкая и Маросейка), а у жителей ядро района находится где-то в сетке мелких переулков (Спасоглинищевский, Старосадский, Хохловский, Подкопаевский переулки).

Рисунок 7 — Субъективные границы Китай-города у респондентов-экскурсоводов

Итак, центр Москвы на примере района Китай-город предстает как территория столкновений разных способов видения одного и того же пространства. Несмотря на кажущуюся скудность уличной жизни с позиций стороннего наблюдателя, Китай-город включает в себя места, связь с которыми у разных категорий информантов выражена по-разному, что в корне переопределяет изначальное представление о данном районе как о транзитном и не-смысловом пространстве. Более детальное рассмотрение противоречий, возникающих у жителей и нежителей района по поводу его устройства и будущего, может дать надежную базу для продуманных решений в сфере градостроительной и планировочной деятельности.

В заключение некоторые соображения относительно методологических трудностей, возникших в ходе исследования. Одна из них — определение понятия «место» и попытка его операционализации. Несмотря на то, что мы дали определение места и предложили приемы по его измерению, существуют некоторые сомнения по поводу того, что выделенные на основании этого подхода места есть элементарнейшие смысловые комплексы, не пересекающиеся друг с другом, и обладающие специфической связью с человеком, который их выделяет. К тому же идея сетевого анализа низводит конкретные места до абстрактно малых точек, что представляется хоть и необходимым аналитическим приемом, но все же противоречащим природе места процессом. Пути более четкого определения и концептуализации места как концепта находятся за пределами сетевого анализа.

Вторая проблема — потеря из виду рефлексивных практик перемещения и ориентирования по городу. Мы не отрицаем, что смыслообразование возможно не только по отношению к отдельно взятому месту, но к маршруту или даже области, связанность которых обеспечивается процессом изменением своего положения в пространстве. Инструменты сетевого анализа, редуцирующие все в точки и ребра отношений, упускают поточные объекты, метафора которых, по мнению некоторых исследователей, в большей степени соответствует описанию городских явлений [1, с. 234]. Тем не менее неспособность отличить транзитные от смыслообразующих перемещений представляется ущербной, что вынуждает задуматься об использовании иных методик по изучению города, к примеру, таких, как биографические прогулки [17].

Литература

- 1 Амин Э., Трифт Н. *Внятность повседневного опыта* // Логос. 2002. № 3–4. С. 209–234.
- 2 Баньковская С. *Понятие гетеротопичной среды и экспериментирование с ней как с условием устойчивого нецеленаправленного действия* // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 19–33.
- 3 Бурдые П. *Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение* // Библиотека Гумер : [веб-сайт]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Burd/01.php.
- 4 Вахштайн В. *FAQ: Логика ландшафта* // ПостНаука : [веб-сайт]. 2012. URL: <http://postnauka.ru/faq/1842>.
- 5 Верлен Б. *Общество, действие и пространство : альтернатив. соц. география* // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 2. С. 26–48.
- 6 Веселкова Н. В. *Ментальные карты города: вопросы методологии и практики использования* // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 5–30.

- 7 Ганжа А. Г. *Mobilis in mobile: об особенностях формирования публичных пространств в городе Москве* // Логос. 2012. № 1. С. 289–310.
- 8 Глазычев В.Л. *Социально-экологическая интерпретация городской среды*. М. : Наука, 1984. 180 с.
- 9 Голд Д. *Психология и география : основы поведен. географии* // Библиотека Гумер : [веб-сайт]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/gold/index.php.
- 10 Гройс Б. *Публичное пространство: от пустоты к парадоксу* // ЛитРес: один клик до книг : [веб-сайт]. 2012. URL: <http://www.litres.ru/boris-groys-2/publichnoe-prostranstvo-ot-pustoty-k-paradoksu>.
- 11 Группа «Кирпичи» // Белый город : [веб-сайт]. URL: http://bg.ru/city/gruppa_kirpichi-17544.
- 12 Линч К. *Образ города*. М. : Стройиздат, 1982.
- 13 Паченков О. *Публичное пространство города перед лицом вызовов современности : мобильность и «злоупотребление публичностью* // Журнальный зал : [веб-сайт] . 2012. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33-pr.html>.
- 14 Семашко Л. М. *Тетрасоциология — социология четырех измерений : к постановке проблемы* // Социологические исследования. 2001. No 9. С. 20-28. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/113/689/1231/005Semashko.pdf>.
- 15 Сорокин П. *Человек, цивилизация, общество*. М. : Политиздат, 1992. С. 245–387.
- 16 Степанцов П., Безруков В. *Проблема Места и Я (Self) в социальной географии и философии* // Социологическое обозрение. 2008. Т 7, № 3. С. 44–54.
- 17 Стрельникова А. В. *Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении* // Сборник статей VI научно-практической конференции «Современная социология – современной России»: [веб-сайт]. URL: www.hse.ru/pubs/share/direct/document/76002574.
- 18 Трущенко О. Е. *Престиж центра : город. соц. сегрегация в Москве*. М. : Socio-Logos, 1995. 112 с.
- 19 Утехин И. *Место действия. Публичность и ритуал в пространстве пост-советского города* // ЛитРес: один клик до книг : [веб-сайт]. 2012. URL: <http://www.litres.ru/ilya-utehin/mesto-deystviya-publichnost-i-ritual-v-prostranstve-postsovetskogo-goroda>.
- 20 Филиппов А. Ф. *Социология пространства*. Спб. : Владимир Даль, 2008. 285 с.
- 21 Augé M. *Non-places : introduction to an anthropology of supermodernity*. 1995. URL: <http://www.acsu.buffalo.edu/~jread2/Auge%20Non%20places.pdf>.
- 22 Casey E. S. *Between geography and philosophy : what does it mean to be in the place-world?* // Annals of the Association of American Geographers. 2001. Vol. 91, Nr 4. P. 683–693.
- 23 Hillier B., Vaughan L. *The city as one thing* // Progress in Planning. 2007. 67 (3). P. 205–230.
- 24 Omer I., Jiang B. *Imageability and topological eccentricity of urban streets* // GeoJournal Library 99. 2010.